

В. Желиховская

**Наши воины
православные**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

В11 **В. Желиховская**
Наши воины православные / В. Желиховская – М.: Книга по Требованию,
2014. – 79 с.

ISBN 978-5-458-08881-7

Рассказы из Закавказской жизни во время войны 1877-1878 гг.

ISBN 978-5-458-08881-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

военные люди, чиновники, народъ, даже женщины и дѣти все спѣшило, ѣхало и бѣжало вслѣдъ за Его Высочествомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, намѣстникомъ Кавказскимъ, въ соборъ. Узкая улица стараго города, Армянскій базаръ, гдѣ стоитъ древній Сіонскій храмъ, въ мигъ запрудилась войсками, экипажами, народомъ. Во всемъ городѣ жители толпились по улицамъ и площадямъ, останавливая другъ друга, спрашивая. Многихъ извѣстіе это застало врасплохъ: ему не вѣрили потому, что не далѣе какъ на канунѣ, 11 апрѣля, почему-то распространился слухъ, что войны не будетъ, что султанъ согласился на всѣ требованія Россіи. Однако власти знали, что все рѣшено: войска наши еще въ ночь получили приказаніе перейти границу.

Все преобразилось съ этого дня. Явилось множество новыхъ заботъ, новыхъ занятій мирнымъ жителямъ городовъ. Женщины стали собирать каждый день для непривычныхъ имъ работъ. Въ Тифлисѣ барыни собирались въ зданіи одного изъ правительственныхъ учрежденій и несмотря на скоро наступившій жаръ, все лѣто прилежно сидѣли за шитьемъ бѣлья, за разрѣзываніемъ бинтовъ,

щипкой корпіи для лазаретовъ; а также трудились по устройству бараконъ для раненыхъ, исполняли множество требованій по обществу Краснаго Креста. Очень многія женщины, въ особенности матери, жены и сестры военныхъ, ушли въ дѣйствующую армію, сестрами милосердія.

Наступили тяжкіе дни горестныхъ тревогъ, боязни за своихъ близкихъ, вѣчнаго ожиданія извѣстій о первыхъ битвахъ, о первыхъ павшихъ.

Онѣ скоро пришли, эти кровавыя извѣстія!.. Священные отнынѣ имена павшихъ въ бою на вѣки запечатлѣлись въ сердцахъ Русскихъ людей. Одной изъ первыхъ жертвъ, въ концѣ того же апрѣля, палъ юноша, прапорщикъ Грамотинъ. Его имя запомнилось мною въ особенности живо потому, что одинъ изъ товарищей его по дѣлу, рядовой Панкратовъ, тамъ же тяжело раненый, лечился въ одномъ изъ Тифлискихъ бараконъ; по выздоровленіи бывалъ у насъ часто, и я, съ его словъ, записала какъ было дѣло.

Панкратовъ былъ изъ мѣщанъ Пензенской губерніи; учился въ училищѣ и говорить умѣлъ хорошо. Разказъ его я передаю почти слово въ слово.

II.

«Мы были посланы съ прапорщикомъ Грамотинымъ изъ форта св. Николая *), по берегу моря, на развѣдки. Насъ было тринадцать человѣкъ рядовыхъ, да еще одинъ унтеръ-офицеръ, Махровъ, по фамилии. Переправились мы черезъ рѣчку Нотанеби на турецкихъ фелюкахъ; рѣчка-то такая, что курица въ бродъ перейдетъ, да передъ тѣмъ дожди были, такъ вотъ она и вспухла и пришлось ей честь оказать: въ лодчонкахъ ее переѣхать. Только мы вышли, а перевозчикъ намъ и кричитъ:—«И куды, говоритъ, васъ несетъ?.. Мы сейчасъ видали на взморьи 6 шлюпокъ, полнымъ—полныхъ Турокъ. Спустили ихъ двое броненосцевъ, а высадились они въ этомъ самомъ мѣсту...» А прапорщикъ нашъ засмѣялся да и говоритъ:—«Ахъ вы, пугалы! И какое дѣло броненосцамъ слѣдить за горсточкой нашихъ солдатъ?.. Ужъ вѣрно они не для насъ высадились. А намъ свое дѣло исполнить надо, хоть бы не 6, а 36 шлюпокъ Турокъ высадили на берегъ».

«Приказалъ прапорщикъ двоимъ изъ насъ

*) На берегу Чернаго моря, недалеко отъ Батума.

остаться на опушкѣ: по возможности наблюдать за дѣйствіями непріятеля; а сами мы въ лѣсъ углубились, да только не далеко прошли.

«Глядимъ: бѣгутъ наши сторожевые.

— «Бѣда! кричатъ. Никакъ невозможно намъ черезъ лѣсъ пройти: со всѣхъ сторонъ въ немъ засѣлъ непріятель! Своими глазами видали въ трехъ концахъ ихъ черныя, богомерзкія рожи!

— «Ну и пусть ихъ сидятъ въ своихъ засадахъ! Что же намъ дѣлать? Неужели-же взять да уйти не исполнивъ порученія?..» говоритъ Грамотинъ. И даже разсерчалъ. «Не понюхавъ пороху отъ врага убѣжать? Вотъ такъ дѣло!.. Да съ такими молодцами, какъ вы, ребята, хоть бы цѣлый отрядъ турецкій напалъ на насъ, такъ бы мы отбились!.. Ну! нечего толковать: не отступлю, пока свято не выполню порученія!.. Маршъ впередъ!..»

«Тутъ между людьми поднялся ропотъ и движеніе: намъ-де велѣно развѣдки произвести. Ну, вотъ мы и развѣдали и доносимъ, что-де съ моря высадился непріятель. А чего-жь намъ въ лѣсъ-то, на смерть лѣзть, безо всякой нужды?.. Не долго думая пра-

порщикъ выхватилъ шашку, да какъ закричить:—«Голову, говоритъ, разmozжу тому, кто слово противъ команды скажетъ!.. Впередъ, не разсуждая!..»

«И двинулись мы впередъ, на вѣрную погибель... Шли мы гуськомъ, еле пробиваясь. Лѣса-то вѣдь тамъ какіе: стѣна-стѣной. Поэтому всѣ деревья перепутаны лозой, да всякими травами, словно какъ честоколомъ забраны. По неволѣ шагъ за шагомъ идешь, пробираешься, другой разъ и кинжаломъ дорогу пробивать приходилось... Шестъ человѣкъ у насъ впередъ послано было съ Махровымъ; а мы, значить въ аррьергардѣ. Вотъ сталъ лѣсъ рѣдѣть и показались на прогалинкѣ сакли ихнія: одна, другая... Изъ трубъ дымокъ подымается, значить не пусты овѣ...

«Остановился Махровъ подъ бугромъ да и скомандовалъ: «Стой! Равняйся!.. Что-жъ, братцы, говоритъ: тутъ мы дождемся подкрѣпленія...» А подкрѣпленіе-то значило прапорщикъ съ восемью рядовыми!.. Да только вотъ бѣда, что Кабулетцы, жители тамошніе, которые всѣ съ Турками за едино были, не стали ждать, а подняли по нашимъ стрѣльбу. Отрядъ раздѣлился: это 7-то человѣкъ!.. Трое та-

ли противъ оконъ саклей, а четверо расположились у опушки, въ пятидесяти шагахъ отъ дверей большой сакли, откуда шла стрѣльба... Послѣ каждаго залпа нашихъ храбрыхъ войскъ — смѣясь рассказывалъ намъ Панкратовъ — Турки поднимали страшный вой въ своихъ сакляхъ: видно не нравилось! Наконецъ рѣшились покончить съ нами на открытомъ воздухѣ. Высыпало ихъ, на прогалинку, человѣкъ до ста. Наши тоже въ боевомъ порядкѣ, по два въ рядъ, отступили къ лѣсу и, не допуская ихъ до себя на нѣсколько саженой, бросились въ штыки; твердо рѣшились разогнать эту толпу. Въ эту же минуту и тѣ восемь человѣкъ, что позамѣшкались въ арьергардѣ, вышли изъ чащи и, увидавъ въ чемъ дѣло, ринулись въ бой, на выручку своихъ. Впереди всѣхъ, ничего не разбирая, съ шашкой на голо, врѣзался въ толпу Грамотинъ; ему удалось уложить человѣкъ десять враговъ, прежде чѣмъ пуля одного изъ нихъ срѣзала его самого на смерть...

«Падая онъ, закричалъ:

— «Ничего, братцы! Гоните съ дороги эту сволочь!..»

«Тутъ я, съ унтеромъ бросились къ не-

му,—видимъ ужь, что плохо дѣло; хотѣли вынести его изъ самой-то свалки, да не тутъ то было! Только я прапорщика подхватилъ подъ руки, слышу товарищъ мнѣ кричитъ: «Ну! бѣда!.. Пропалъ нашъ унтеръ офицеръ!..» Глянулъ я на Махрова, смотрю: валится онъ; да въ ту же секунду чувствую, что меня самага, какой-то окаянный за горло схватилъ. Вцѣпился когтищами врасплохъ, свалилъ меня рядомъ съ прапорщикомъ, душитъ, а самъ по русски оретъ: «Сдавайся Сдавайтесь всѣ, не то свяжемъ, да перевѣшаемъ, какъ собакъ!..» Ахъ! Ты нехристь! думаю: что выдумалъ, окаянный!.. Да когда-жь это было, чтобъ русскій солдатъ живымъ, своей охотой, сдавался?.. Стрѣлять-то мнѣ ужь и думать нечего; такъ я нащупалъ штыкъ, да какъ хвачу его въ бокъ! Свалился онъ замертво, да и я съ нимъ рядомъ. Хватило меня откуда-то пулей: я и память потерялъ...

«Ужъ не знаю долго-ль лежалъ я, только, какъ опаматовался, оглядѣлся,—всюду трупы въ крови лежатъ, всѣ ужь обобранные, а тихо. Стрѣльбы не слышать!.. Ушли значить и меня оставили съ убитыми,—за мертваго сочли.

Обобратить — обобрали; оружіе, шинель, сапоги, даже шапку, все чисто стащили; а самого не доби́ли, спасибо!.. Не то что прапорщика нашего: того тѣло только въ пыли валялось, а головы-то ужъ не было!.. Эхма! Какъ вспомнилъ я матушку ихнюю, генеральшу Грамотину, сестрица; — всѣхъ-то я зналъ ихъ, — ажно слеза меня прошибла!.. Отползъ я оттелева, воды мнѣ страхъ какъ испить хотѣлось. Въ горлѣ такъ пересохло, что языкъ къ гортани прилипъ. И бокъ страхъ побаливалъ... Самъ ужъ я не знаю, какъ такъ случилось, но очутился я въ саклѣ ихней... На меня все забытье будто-бъ находило!.. Должно быть я воды тамъ искалъ да сознанья лишился. Только очнулся я ужъ ночью, или вечеромъ, и самъ хорошо не знаю; темноты не было; въ дверь и окошко луна свѣтила. И какъ увидалъ я, что въ стѣнахъ нахожусь, такъ и подумалъ сначала, что въ Николаевскомъ портѣ въ казармѣ состою. Повелъ я глазами кругомъ, да такъ и шарахнулся! Разомъ все вспомнилъ. Весь полъ залитъ былъ запекшейся кровію; нѣсколько труповъ Кабулетцевъ тутъ было, но одинъ стоялъ во весь ростъ, прислонившись въ углу и во всѣ глазищи, какъ живой, на ме-

ня смотрѣлъ... Словно поспрошать о чемъ хотѣлъ, право! И какъ это онъ такъ остался?.. Богъ его вѣдаетъ!.. Этихъ всѣхъ наши перестрѣляли, когда еще они не выходили изъ саклей; такъ вѣрно ему сразу досталось, такъ что и вздохнуть не успѣлъ. Своихъ то эти черти не обобрали. Маленько справившись съ силами, я самъ тутъ взялъ себѣ кое какое оружіе, да патроновъ; особливо ружьецо славненькое было—аглицкое, системы Фрея. И откуда только брались такія у нихъ?.. Вышелъ я изъ сакли словно вѣтромъ расшатанный; побрѣлъ воды опять искать, да только до лѣсу дотащился—чувствую, что-то у меня поперегъ горла стало, а къ груди словно горячая струя подступаетъ. Охъ! думаю, доползу-ли до какой помощи? Али тутъ, въ лѣсу и сгину?.. Вотъ тебѣ и отличіе! И крестъ георгіевскій, о которомъ столько, бывало, думалось нашему брату, рядовому!... Ну! чтожь дѣлать? Оно правда что солдатская могила,—съ крестомъ-ли, али безъ креста,—предъ Господомъ Богомъ завсегда честна! Особливо, коли ты долгъ свой воинскій вѣрно справилъ... Только что вотъ, въ трущобѣ такой и могилы себѣ не дождешься, а разнесутъ твои кости

шакалы да вороны. Думаю я про себя такія мысли горькія, а самъ чувствую, что вотъ,— вотъ упаду! Нѣтъ ужъ моей силушки болѣ!.. И вдругъ слышу, по лѣсу-то: дринь! дринь!.. Батюшки, думаю: неужто-жъ наши?.. Видать не видно, а слыхать шагъ солдатскій... Догадался я, что вѣрно на розыски, за нами посланы, да съ радости, какъ гаркну: «Сюды, ребята! Помогите, православные!..» А кровь то изъ меня горломъ, какъ изъ ведра. Повалился я тутъ замертво, а ужъ не помню, какъ нашли меня и въ Николаевскій фортъ предоставили».

Такъ закончилъ рядовой Панкратовъ свой рассказъ.

Изъ газеты мы давно уже знали, что чрезъ нѣсколько дней послѣ рассказаннаго имъ дѣла, вдова генеральша Грамотина схоронила обезглавленный трупъ своего сына въ Гурійскомъ городѣ, въ Осургетахъ, а голова бѣднаго юноши, по слухамъ, виднѣлась на улицахъ Стамбула, украшая собою, въ числѣ многихъ другихъ головъ павшихъ русскихъ воиновъ, турецкое празднество взятія нашего Сухума...

Куда дѣвался рядовой Панкратовъ, получивши отставку и уѣхавъ въ Россію, живъ-